
ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.641

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-1-5-12

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ПАРАДИГМЫ: ТИПОЛОГИЯ СИСТЕМ*****Кротов Артем Александрович****Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

В статье анализируется историко-философская концепция одного из классиков просветительской мысли, Э.Б. Кондильяка, ставится вопрос о ее значении в европейской интеллектуальной истории и применимости в наше время. Рассматривается его учение о трех типах систем, его представление об исторической смене различных учений. Для Кондильяка история философии важна в первую очередь как средство, позволяющее избежать ошибок и предрассудков прошлого. Поскольку вектор искомого направления задается сенсуалистической гносеологией, его история философии по необходимости предстает в довольно схематичном виде, в определенной степени даже редуцируется к немногим положениям. История, подчиненная руководящей схеме, нивелирует многочисленные детали, нюансы, оттенки, растворяя их в обобщениях, характерных для просветительской парадигмы. Подход сквозь призму теории прогресса, взятой в ее особом преломлении, совершенно упускал преемственность между философскими эпохами, как и важность многих достижений предшествующих мыслителей. А между тем многие представители образованного общества судили о прошлом философии, как и об ее перспективах, основываясь на сочинениях Кондильяка. Тем не менее исследование интеллектуальной атмосферы эпохи Просвещения, претендующее на всесторонность, не должно обходить вниманием те положения, которые защищались Кондильяком. Они также важны для понимания самосознания просветительской мысли, стремившейся осмыслить свое место во всемирной истории. Кроме того, установка на выявление в историко-философском процессе универсального, закономерного, поддающегося выражению в обобщенной форме содержания, которое могло бы быть представлено в виде определенной типологии систем, отнюдь не выглядит устаревшей, потерявшей свою актуальность. Сами недочеты, свойственные подходу французского просветителя, будучи органично включенные в картину мира, присущую Новому времени, позволяют сделать более точными современные систематизации историко-философского плана.

Ключевые слова: философия истории философии; философия Просвещения; Кондильяк; французская философия.

**THE HISTORY OF PHILOSOPHY IN THE CONTEXT
OF THE ENLIGHTENMENT PARADIGM: THE TYPOLOGY OF SYSTEMS*****Artem A. Krotov****Lomonosov Moscow State University*

The article examines the conception of the history of philosophy of E.B. Condillac, who was the classic author of philosophy of the Enlightenment, and brings up the question about the significance of his conception in European intellectual history and its applicability in our time. The doctrine of French thinker about three types of systems, his ideas about historical change of different doctrines are discussed. For Condillac the history of philosophy is important primarily as a means to avoid errors and prejudices of the past. Since the vector of ver-

itable direction is set by sensual gnoseology, the history of philosophy in Condillac's writings is necessarily presented in a rather schematic form, to a certain extent even reduced to few statements. The history, subordinated to adopted scheme, eliminates numerous details, nuances, shades, dissolving them in the generalizations typical of the Enlightenment paradigm. Through the prism of the theory of progress in its special refraction is absolutely missed the continuity between philosophical eras, as well as the significance of many achievements of previous thinkers. At the same time many members of educated society in their judgment about the past of philosophy as well as about its prospects were based on the writings of Condillac. In this respect, the study of the intellectual atmosphere of the Enlightenment, claiming to be comprehensive, should not ignore Condillac's statements. They are also important for understanding the consciousness of the Enlightenment philosophy, seeking to comprehend its place in world history. Moreover principle of exposure in the philosophical development the universal content that could be presented in the form of a specific typology of systems, does not look outdated and irrelevant. The shortcomings inherent in the approach of French philosopher, being organically included in the picture of the world of the Modern history, allow doing more precise systematizations in the sphere of the history of philosophy.

Key words: philosophy of the history of philosophy; philosophy of the Enlightenment; Condillac; French philosophy.

Эпоха Просвещения выдвинула целый ряд новаторских идей, до сих пор сохраняющих свое значение для интеллектуальной культуры и привлекающих внимание многочисленных исследователей. Особое значение для формирования просветительской парадигмы имело творческое наследие Кондильяка, которое зачастую интерпретировалось в последующие столетия упрощенно-идеологически, как поверхностный сенсуализм. В том, что учение выдающегося просветителя не сводится к набору примитивных схем, убеждает целая серия исторических фактов. Если кратко характеризовать ситуацию, сложившуюся во французской интеллектуальной культуре эпохи Директории, Консульства и Империи, то необходимо констатировать, что именно философия Кондильяка доминировала в академической среде. Национальный Конвент, принявший 25 октября 1795 г. закон о создании Национального института, предусмотрел в его структуре академию моральных и политических наук. В состав академии вошли известные сторонники учения Кондильяка: Дестют де Траси, Вольней, Кабанис, Дежерандо и др. Академические труды, публиковавшиеся в рамках работы Национального института, несли на себе печать влияния теоретических установок Кондильяка. Как справедливо отмечал В.М. Богуславский, «в годы революции и в период Первой империи труды его составляли основу преподавания философии в высших учебных заведениях Франции» [1, с. 8]. Заметим, что выдающийся отечественный историк А.З. Манфред считал вполне обоснованным предположение о влиянии идей Кондильяка на формирование мировосприятия Наполеона Бонапарта [3, с. 61].

Особое значение в идейном наследии французского просветителя занимает концепция историко-философского процесса, пока еще недостаточно изученная отечественными исследователями. Так или иначе, она резюмирует представления, принятые целым культурным слоем, в определенной мере характеризует самосознание значительной части французского философского сообщества XVIII в. Каково содержание названной концепции, ее значение в европейской интеллектуальной истории? Насколько она применима в наше время? Кратко остановимся на поставленных вопросах.

Типология философских учений была обоснована Кондильяком в «Трактате о системах» (1749), дополнение и развитие в виде целостной схемы историко-философского процесса она получила в 16-томном «Курсе занятий по обучению принца Пармского» (1775). В сфере науки просветитель выделял три типа систем: которые, по его представлению, могут быть основаны на абстрактных принципах, гипотезах или твердо установленных фактах. Философские системы отнюдь не равноценны: если одни бесполезны, а другие иногда могут приводить к успеху, то третьи истинны всегда. Полезно знакомство со всеми тремя их типами, поскольку метод, позволяющий отыскивать истину, гораздо легче усвоить, имея перед глазами примеры противоположного свойства, уводящие в сторону от подлинного знания. Любая система включает принципы и их следствия.

Принципами абстрактных систем выступают общие максимы. Предполагается, что они очевидны и несомненны. От этих общих положений философы стремятся дойти до раскрытия частных истин. Среди авторов «модных» абстрактных систем Кондильяк называет Декарта, Спино-

зу, Лейбница, Мальбранша. Очевидно, в данном случае он акцентирует внимание на рационалистической линии философии Нового времени. При этом он достаточно схематично, если не сказать произвольно, трактует общую ее направленность и теоретические основания. Согласно Кондильяку, названные мыслители сходятся в том, что принимают врожденные идеи в качестве внедренных Богом в души людей положений, из которых должны последовательно выводиться все остальные. Подобное истолкование познавательного процесса, по его мнению, противоречит подлинному порядку формирования идей. Сложные идеи могут быть поняты лишь на основе простых. Но простые идеи — наименее абстрактны, они непосредственно связаны с чувствами. Простые, частные идеи всегда конкретны, благодаря чувствам они «определяются сами собой». Любое абстрактное понятие расплывчато и туманно, если не поясняется частными идеями. Бесполезно пытаться прояснить одно абстрактное понятие с помощью другого. «Следовательно, ошибаются те, кто утверждает, что источником наших знаний являются абстрактные принципы» [2, т. II, с. 12].

Кондильяк подразделял абстрактные принципы на три вида. В *первом* случае речь идет о положениях, которые истинны во всех возможных ситуациях и могут рассматриваться в качестве общепринятых. Например, «что есть, то есть». Но из подобных максим невозможно извлечь никакого знания, они бесполезны с точки зрения поиска истины. Более того, они нисколько не способствуют искоренению разногласий в среде философов. Во *втором* случае применяются положения, которые верны лишь применительно к отдельным явлениям, но ошибочно предполагается, что они истинны всегда. Их ложность в отношении множества вещей очевидна и легко подтверждается нашим опытом. В *третьем* случае пытаются составить представление о неисследованном объекте при помощи произвольных, взятых наугад знаний о более привычных вещах. Например, пробуют рассуждать о свойствах души на основе имеющихся сведений о качествах тел. В результате получают неопределенные отношения, которые пытаются насильственно навязать разнородным предметам. Таким образом, если общие максимы первого вида просто не позволяют двигаться вперед, не будучи фундаментом познания, то прочие абстрактные принципы неизбежно ведут к заблуждениям.

Несостоятельность абстрактных принципов легко подтвердить на практике: знаменитый просветитель предлагает провести эксперимент, поручив приверженцу учения об их плодотворности управление армией или целым государством. Несомненно, что кабинетный теоретик потерпит неудачу, и такое положение дел в корне подрывает мнение о фундаментальности общих положений. Существенный недостаток абстрактных систем Кондильяк видит в их ограниченности, не позволяющей охватить все стороны предмета. Этот коренной недостаток неизбежен: абстрактные принципы всегда опираются на частные идеи, соответственно, множество аспектов того или иного явления оказываются исключены из рассмотрения. Выбор человеком системы подобного рода чаще всего осуществляется с помощью страстей, а не разума, который вынужден в сложившейся ситуации довольствоваться односторонним охватом проблем.

Распространенное злоупотребление абстрактными системами связано с тем обстоятельством, что вместо истин при их построении приобретают чаще всего только мнимые знания, выраженные лишенного точного смысла терминами. Поскольку сами исходные принципы не обладали должной степенью ясности, то и выводимые из них следствия оказывались не особенно ценны. В области абстрактных систем широко распространен предрассудок о существовании врожденных идей. Он сформировался постепенно. Первоначально, в момент возникновения философии, люди производили мало наблюдений, но стремились побыстрее получить исчерпывающие ответы. Отсюда — неизбежная опора философов на широко распространенные в обществе, довольно примитивные взгляды. «Это были, выражаясь языком математиков, все их данные» [2, т. II, с. 45]. Господствующие взгляды в разной степени использовались представителями философской среды. Но существенно то, что они, не задумываясь, возводили фундамент на смутных, неопределенных понятиях, имевших хождение в их эпоху. В своих объяснениях различных явлений философы слишком часто проводили аналогии с распространенными воззрениями, использовали расхожие выражения, будто бы они исчерпывали суть дела, развивали необоснованные сравнения. Например, исходя из того, что зеркальные отражения копируют предметы, заключили о сходстве ментальных образов с внешними объектами. Затем подобным образом приписали полнейшую достоверность, стали рассматривать

их в качестве основы познания. Обозначив образы души как «идеи» или «архетипы», приобрели привычку усматривать в них особого рода реальность, и, пусть и ненамеренно обманывая себя, философы утвердились во мнении, будто обладают прочными знаниями, заключенными в абстрактных понятиях. Поскольку еще не были достигнуты точные представления о происхождении идей, предположили, что они существовали всегда, объявили их врожденными. Чтобы доказать возникновение идей «из чувств», проследить их различные превращения, требовалось пройти длительный путь. Пока необходимые для него наблюдения и знания отсутствовали, довольствовались далеким от реальности представлением об идеях как особых сущностях, своего рода частях субстанциальной души. Таким образом, анализ теории врожденного знания, по мысли Кондильяка, наглядно свидетельствует о том, что «в самых распространенных предрассудках можно будет открыть источник многих философских систем» [2, т. II, с. 47]. Стремящийся к истине философ должен следовать иному методу, избегая опасностей, связанных с не имеющими доказательной базы и научного значения «ходячими» представлениями.

Кратчайшим опровержением абстрактных систем, полагает просветитель, может служить требование пояснить нечетко определенный принцип либо понятие. В таком случае сразу станет очевидным слабое место в рассуждениях критикуемого автора, его неспособность составить точную и ясную идею, которая выражала бы его точку зрения.

Уверенность в плодотворности абстрактных понятий, согласно Кондильяку, укрепились у многих философов благодаря математике, в области которой они находят успешное применение. «На основании того, что этот метод достаточно для определения сущности абстрактных величин, они решили, что он достаточен также для определения сущности субстанции» [2, т. II, с. 49]. Но абстрактные понятия в сфере метафизики весьма отличны от математических идей. Если первые мало приближают к постижению сущности субстанции, то вторые позволяют составить полное представление о свойствах различных геометрических фигур.

Высказывая критические замечания в адрес систем, относимых им к типу абстрактных, Кондильяк, в частности, упрекал Декарта в том, что его принцип принимать за истину только ясно и отчетливо воспринятое, несостоятелен и ведет к

заблуждениям. По Кондильяку, сами картезианцы не имели точного представления о природе и происхождении идей, потому и не могли определить, что именно делает их ясными и отчетливыми. Анализируя учение Лейбница, просветитель не менее категоричен: «он приложил все усилия, чтобы описать нам некоторые положительные качества своих монад. Он думал, что открыл в них две вещи: силу и восприятия, которым свойственно представлять вселенную... Но если эта сила и эти восприятия просто слова, ничего не дающие уму, то его система становится совершенно бессодержательной» [2, т. II, с. 84]. Выступив с опровержением философии Спинозы, Кондильяк настаивал на том, что названный мыслитель лишь воображал себя формулирующим математические доказательства. «Таким образом, сторонники Спинозы должны избрать одно из двух: либо они должны признать, что до сих пор принимали систему, не имеющую никакого смысла; либо они должны изложить ясно и точно тот великий смысл, который, по их мнению, в ней заключается. Но по существу не приходится много колебаться в вынесении приговора этому философу: пропитанный всеми предрассудками школьной философии, он не сомневался в том, что наш разум способен открыть сущность вещей и добраться до их первопричин. Далекий от точности, он составлял себе лишь туманные, неопределенные понятия» [2, т. II, с. 151].

Системы второго типа, строящиеся на предположениях, в качестве принципов используют гипотезы, без которых, как полагают, было бы невозможно объяснить причины тех или иных явлений. Когда гипотезы выглядят правдоподобно и, по видимости, содержат объяснение вещей, философы способны опрометчиво заключать о раскрытии ими сущности природы. Поэтому системы второго типа очень удобны для невежд, не склонных прилагать усилий для серьезного поиска подлинных знаний.

Применение гипотез, по Кондильяку, может вести к прямо противоположным результатам. В некоторых случаях гипотезы содействуют расширению человеческих познаний, это происходит, когда выполняются два условия: 1) оказываются исчерпаны все возможные предположения, касающиеся исследуемой проблемы; 2) применяются процедуры, позволяющие убедиться в справедливости или же ошибочности выдвинутого объяснения. В таком случае опора на гипотезы и полезна, и необходима. Наши предположения тем точнее, чем глубже наблю-

дения изучаемых явлений. Краткость и простота объяснений, наличие их практического приложения — несомненные признаки плодотворных предположений.

Вместе с тем неопределенные гипотезы способствуют лишь торжеству невежества, порождают «химеры». Иногда бывает затруднительно охватить все предположения, если явление связано с бесчисленным количеством других. Догадки даже бывают прямо вредны в практических науках. Гипотезы же общего свойства часто оказываются бессодержательными в силу туманности используемых терминов, например, если рассуждают о «сущности», не связывая с употребляемым понятием никакой точной идеи. Наделенные чрезмерным воображением, многие философы самоуверенно порождали гипотезы, затрагивавшие лишь поверхность вещей, приписывавшие реальность различным вымыслам. Просветитель рекомендует проверять гипотезы на степень согласованности их с объяснениями, уже нашедшими подтверждение в опыте. Рекомендую не отвергать предположений, он настаивал на необходимости тщательной их проверки.

Наконец, системы третьего типа в качестве принципов используют точно установленные факты. Кондильяк подчеркивал, что именно системы подобного типа в полной мере заслуживают названия истинных. Они позволяют добраться до наиболее глубоких объяснений различных явлений, насколько те вообще доступны человеческим способностям. Но система — не просто собрание фактов. Правильно выстроенная, она должна заключать в себе различные части таким образом, чтобы они поясняли друг друга; кроме того, они должны соотноситься и исходить из некоторого неопровержимого, первичного факта, выступающего исходным пунктом, а тем самым и принципом всей системы.

Истинная система не может быть рождена по произволу. Прежде всего, недостаточность наблюдений служит очевидным препятствием ее формированию. Попытка выстроить систему, не подкрепленная должными исследованиями, уподобляется французским мыслителем стремлению разобраться в часовом механизме, ограничившись созерцанием движения стрелки.

Хотя в основе наук по необходимости лежат установленные факты, все же распространение учений, опирающихся на иные принципы, согласно Кондильяку, не было случайностью. Первоначально люди не искали объяснений всему существующему, они ограничивались удовлетворени-

ем потребностей, достигая этого обучением у природы. Пока следовали названным путем, ошибки случались нечасто. Но, за неимением открытий, иной раз прибегали и к предположениям, догадкам, которые, хотя и являлись только средством в поисках истины, стали неправомерным образом отождествляться с началами системы. С другой стороны, по мере накопления знаний требовалось их классифицировать по родам и видам. Желая представить или сформулировать мысли о множестве вещей, привыкли обращаться к общим понятиям. Сами по себе они выступают лишь сокращенным выражением определенной группы частных понятий, но постоянное их использование послужило причиной того, что их ошибочно посчитали принципами наук.

Историческую последовательность систем Кондильяк кратко охарактеризовал в «Курсе занятий по обучению принца Пармского». Мировоззрение древних он оценивал весьма критично: «Первые философы посмотрели вокруг себя и тотчас посчитали, что все поняли. Кажется, их первой мыслью была: *мы видим все, мы можем постичь все*. Они смотрели, как во сне вселенная образовывается на их глазах: они грезили о принципах вещей, их сущности, их происхождении: и они вовсе не пробуждались» [6, т. X, р. 1]. Подобные «философы» были первыми невеждами, посчитавшими себя образованными людьми. Им поверили на слово, в их мудрости не усомнились, стремились приобщиться к ней и лишь по прошествии целых веков убедились в ее мнимости. Различные империи сменяли друг друга, но заблуждения сохранялись; неопределенные, туманные идеи и гипотезы воспроизводились снова и снова, лишь внешне меняя свою форму. Заметим, что французский мыслитель в «Курсе занятий» дает расширительное толкование философии, в значительной степени размывая ее границы, причисляет к «первым философам» жрецов, хранителей религиозной традиции. По его мнению, первоначально у жрецов отсутствовало тайное учение, они внушали согражданам тот комплекс идей, который сложился в обществе в силу обстоятельств или же под влиянием законодателей. По мере того как формировалась наследственная каста жрецов, у ее представителей вырабатывалось стремление отделить себя от остального общества, выдвинуть на первый план собственную славу и процветание, окружить себя секретами, способствующими увеличению могущества. Но все эти древние мнения сводились к очень ограниченному кругу представлений. По существу, для Кондильяка

они — не более чем первые, еще детские усилия человеческого разума.

Просветитель неоднократно повторял, что изучение ошибок прежних лет необходимо не в качестве самоцели, не ради удовлетворения любопытства, а для того, чтобы исключить их повторения. Избежать абсурдных суждений возможно, если тщательно изучить предшествующую историю. Правильные рассуждения легче выстроить, опираясь на знания о том, какие мнения господствовали в прежние эпохи. История философии позволяет на небольшом пространстве сконцентрировать многовековой опыт человечества.

Греческую философию в целом Кондильяк характеризовал отнюдь не в восторженных тонах. Платон, к примеру, на его взгляд, обладал «талантом придавать краски вещам, не распространяя на них никакого света». Сама форма диалога позволяла древнему автору беспорядочно перескакивать с предмета на предмет, говорить обо всем без должной глубины. «Его мнения кажутся лишь бредом, который мало заслуживал бы нашего внимания: но так как этот бред продолжался, необходимо о нем знать. Было бы невозможно следовать за философским разумом в последующие века, если бы сначала не присмотрелись к Платону как философу, воображение которого должно было стать заразным» [6, т. X, р. 188–189]. В платоновской школе особое значение придавалось геометрии, но, согласно Кондильяку, ее не умели правильно применить к физике, выдумывая отношения и пропорции, не имевшие отношения к природе.

Аристотель, «самый известный из философов древности», по мнению просветителя, обладал возвышенной душой. В произведениях, посвященных риторике и поэтике, он установил принципы, удовлетворившие самые изысканные, лучшие умы. Но в физике он тщетно пытался строить догадки о природе. Справедливо отбросив платоновские идеи, пифагорейские числа и атомы Левкиппа, он заменил их смутными абстрактными понятиями. «Аристотель, полагая создать науку, вздумал собрать все абстрактные и общие идеи, такие как бытие, субстанция, принципы, причины, отношения и другие подобные... После него Теофраст или какой-то другой перипатетик дал имя метафизики этой беспорядочной груде абстрактных идей. Вот, следовательно, метафизика: это наука, где предлагают трактовать обо всем в общем, ничего прежде не наблюдая в частности, то есть говорить обо всем, ничего прежде не узнав» [6, т. XX, р. 507].

Основным недостатком схоластики Кондильяк считал смешение философии с теологией. По его мнению, названные дисциплины различны по происхождению, поэтому их следует тщательно разграничивать. В то время как здравая философия должна быть основана исключительно на опыте, теология опирается на Св. Писание и традицию.

Новое время просветитель рассматривал как эпоху распространения истинной философии, которая была подготовлена множеством наблюдений и открытий. Бэкон указал путь естественной философии, до него еще неизвестной. Декарт внес существенный вклад в развитие геометрии. Локк обратился к наблюдению человеческого разума, доказал невозможность врожденных идей, объяснил происхождение наших знаний, установил способы их расширения. Такова в самых общих чертах схема историко-философского процесса, выдвинутая Кондильяком.

Исследователи интеллектуальной истории неоднократно обращались к различным аспектам предложенного Кондильяком философского проекта, справедливо подчеркивая его значение и отличительные особенности. Так, Багено де Пюшес обоснованно замечал, что по своей идейной направленности «его философия хорошо отвечала своему времени» [4, р. IV]. Разумеется, автор «Трактата о системах» говорил о «твердо установленных фактах» с позиции просветительского сенсуализма, и в этом отношении Леон Деволь справедливо настаивал на том, что «исследование человеческого ума — центр, вокруг которого вращаются все части системы Кондильяка» [7, р. 304]. С полным правом отвергая сложившиеся стереотипы, Жорж Леруа утверждал: «Далекая от банальной простоты, которую ей приписывают, мысль Кондильяка разворачивается изощренным и сложным способом» [9, р. 1]. Против устоявшихся поверхностных оценок протестовал и Ф. Реторе: «Психологи рассматривают Кондильяка как главу материализма; этот вульгарный предрассудок не разделяется ни самостоятельными умами, ни честными и проникательными судьями» [10, р. 5]. Характеризуя историко-философские размышления просветителя, Марсиаль Геру констатировал их подчиненность задаче построения истинной системы научного знания: «Кондильяк — это философ, который равнодушен к истории философии как таковой, но который использует учения, завещанные историей, для философских целей» [8, р. 309]. Существенные недостатки подобного

подхода удачно отметил Люсьен Браун: «Кондильяк нисколько не стремится установить связи, которые могли бы существовать между различными системами, им исследуемыми, ни извлекать выводы из их многообразия и их противоположности». Подчеркнуто критическое отношение к прошлому «приводит Кондильяка к поразительным преувеличениям и слишком заметному предубеждению против древней философии. Он мог, стало быть, только сурово судить и не признавать оригинальности мысли философов Античности» [5, p. 157].

Конечно, в концепции Кондильяка логический подход получил преобладание над историческим, желание четко обозначить классические типы систем в их основных, едва ли не вневременных чертах привело, по существу, к тому, что задаче раскрытия творчества отдельно взятых мыслителей во всей его глубине не придавалось особого значения. Действительно, для Кондильяка история философии важна в первую очередь как средство, позволяющее избегать ошибок и предрассудков прошлого. Для него история систем сохраняет свою актуальность, так как способствует поиску истины в нужном направлении. Поскольку вектор искомого направления задается сенсуалистической гносеологией, история философии по необходимости предстает в довольно схематичном виде, в определенной степени даже редуцируется к немногим положениям. История, подчиненная принятой руководящей схеме, нивелирует многочисленные детали, нюансы, оттенки, растворяя их в обобщениях, характерных для просветительской парадигмы. Разумеется, придерживаться сегодня кондильяковской концепции, принимая ее без поправок и оговорок, вряд ли возможно. Многообразие направлений мировой философской мысли сложно охватить, не испытывая затруднений и не встречая серьезных возражений, тремя принципами, казавшимися бесспорными в своей очевидности некоторой части ученого сообщества в середине XVIII в. Подчеркивая значительность влияния различных областей культуры на развитие философии, свойственное ее ранним этапам, Кондильяк вместе с тем рассчитывал его элиминировать в эпоху просвещенного разума. С современной точки зрения не кажется оправданным доходящее до сурового осуждения, весьма критичное, даже пренебрежительное отношение к интеллектуальным достижениям древности. Сквозь призму теории прогресса, взятой в ее особом преломлении, совершенно упускались из вида преем-

ственность между философскими эпохами, также как и значительность многих достижений предшествующих мыслителей. Подлинный ход истории искажался, получая одностороннюю интерпретацию. И все-таки выдвинутая Кондильяком историко-философская концепция достойна самого внимательного к ней отношения. Прежде всего потому, что она характерна для столетия, ставившего своей целью борьбу с предрассудками, защиту здравого смысла в самых разных его появлениях и приложениях, ниспровержение казавшихся ложными авторитетов прошлого. Многие представители образованного общества судили о прошлом философии, как и об ее перспективах, основываясь на сочинениях одного из ведущих мыслителей эпохи. В этом отношении исследование интеллектуальной атмосферы эпохи Просвещения, претендующее на всесторонность, не должно обходить вниманием те положения, которые защищались Кондильяком. Они также важны для понимания самосознания просветительской мысли, стремившейся осмыслить свое место во всемирной истории. С другой стороны, сама по себе установка на выявление в историко-философском процессе универсального, закономерного, поддающегося выражению в обобщенной форме содержания, которое могло бы быть представлено в виде определенной типологии систем, отнюдь не выглядит устаревшей, потерявшей свою актуальность. Сами недочеты, присущие подходу французского просветителя, будучи органично включены в картину мира, свойственную Новому времени, позволяют сделать более точными современные систематизации историко-философского плана.

Список литературы

1. Богуславский В.М. Кондильяк. М.: Мысль, 1984. 190 с.
2. Кондильяк Э.Б. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1980–1983.
3. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1980. 775 с.
4. Baguenault de Puchesse G. Condillac, sa vie, sa philosophie, son influence. P.: Plon, 1910. 278 p.
5. Braun L. Histoire de l'histoire de la philosophie. P.: Ophrys, 1973. 400 p.
6. Condillac E.B. Oeuvres complètes. T. I–XXIII. P.: Ch. Houel, 1798.
7. Dewaule L. Condillac et la psychologie anglaise contemporaine. P.: Félix Alcan, 1892. 331 p.
8. Gueroult M. Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie. V. 1. P.: Aubier, 1984. 328 p.

9. Le Roy G. La psychologie de Condillac. P.: Boivin et C, 1937. 236 p.
10. Réthoré F. Condillac ou l'empirisme et le rationalism. P.: Auguste Durand, 1864. 368 p.

Получено 21.01.2016

References

1. Boguslavskiy V.M. *Kondil'yak* [Condillac]. Moscow, Mysl Publ., 1984, 190 p. (In Russian).
2. Condillac E.B. *Soch.*: v 3 t. [Works, in 3 vol.]. Moscow, Mysl Publ., 1980–1983. (In Russian).
3. Manfred A.Z. *Napoleon Bonaparte* [Napoleon Bonaparte]. Moscow, Mysl Publ., 1980, 775 p. (In Russian).
4. Baguenault de Puchesse G. *Condillac, sa vie, sa philosophie, son influence* [Condillac, his life, his creativity, his influence]. Paris, Plon Publ., 1910. 278 p. (In French).
5. Braun L. *Histoire de l'histoire de la philosophie* [The history of the history of philosophy]. Paris,

- Ophrys Publ., 1973. 400 p. (In French).
6. Condillac E.B. *Oeuvres complètes, t. I–XXIII* [Complete works, v. I–XXIII]. Paris, Ch. Houel Publ., 1798. (In French).
7. Dewaule L. *Condillac et la psychologie anglaise contemporaine* [Condillac and contemporary English psychology]. Paris, Félix Alcan Publ., 1892. 331 p. (In French).
8. Gueroult M. *Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie* [Dianoématique. The history of the history of philosophy]. Paris, Aubier Publ., 1984. v. 1, 328 p. (In French).
9. Le Roy G. La psychologie de Condillac [Condillac's psychology]. Paris, Boivin et C. Publ., 1937. 236 p. (In French).
10. Réthoré F. Condillac ou l'empirisme et le rationalism [Condillac and empiricism and rationalism]. Paris, Auguste Durand Publ., 1864. 368 p. (In French).

The date of the manuscript receipt 21.01.2016

Об авторе

Кротов Артем Александрович

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119234, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: krotov@philos.msu.ru

About the author

Krotov Artem Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of History and Theory
of World Culture

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: krotov@philos.msu.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кротов А.А. История философии в контексте просветительской парадигмы: типология систем // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 5–12.

Please cite this article in English as:

Krotov A.A. The history of philosophy in the context of the enlightenment paradigm: the typology of systems // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 5–12.